

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ВЫДЕЛЕНИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ У ДИОНИСИЯ ФРАКИЙЦА

ВЛ. В. КАРАКУЛАКОВ
(Душанбе, СССР)

Восьмичленная александрийская система „частей речи” ($\mu\acute{\epsilon}\rho\eta\tau\omicron\upsilon$ λόγου) (ὄνομα „имя”, ῥῆμα „глагол”, μετοχή „причастие”, ἄρθρον „член”, ἀντωνυμία „местоимение”, πρόθεσις „предлог”, ἐπίρρημα „наречие”, σύνδεσμος „союз”), зафиксированная в учебнике Дионисия Фракийца¹, отражает различие принципиальных исходных позиций „александрийцев” и стоиков в области грамматического исследования языка. У александрийских грамматиков, с самого начала посвятивших себя филологическому толкованию древних, в первую очередь гомеровских, текстов, в отличие от стоиков, на первом плане оказывается „слово” (λέξις), а не „предложение” (λόγος). Отсюда большее внимание к внешним специфическим языковым особенностям, отсюда определения частей речи, учитывающие не только семантический момент, но в равной мере и морфологический, а в ряде случаев и синтаксический.

Так, в определении *имени* в равной мере учитываются морфологический и семантический моменты („склоняемая часть речи, обозначающая тело или вещь, тело — например, *камень*; вещь — например, *воспитание*”)²; морфологический и синтаксический моменты сочетаются в определении наречия: „несклоняемая часть речи, высказываемая о глаголе или прибавляемая к глаголу”³ и члена („склоняемая часть, стоящая впереди и позади склоняемых имен”)⁴; как показывают приведенные Дионисием примеры, к „члену” относятся как артикль, так и очень близкое к нему по форме относительное местоимение; сюда же, по всей вероятности, относится и указательное местоимение, которое нигде не фигурирует у

¹ Dion. Thrac., § I, p. 23, 1—3 Uhl. Авторство этой классификации некоторыми источниками приписывается Аристарху (напр., Quintil., *Inst. orat.*, I, 4, 20).

² Dion. Thrac., § 12 (14 b), p. 24. 3—6 Uhl.: μέρος λόγου πτωτικόν, σῶμα ἢ πρᾶγμα σημαῖνον...

³ Dion. Thrac., § 19, (24 b), p. 72, 4—5 Uhl.: μέρος λόγου ἄκλιτον, κατὰ ῥήματος λεγόμενον ἢ ἐπιλεγόμενον ῥήματι...

⁴ Dion. Thrac., § 16 (20 b), p. 61, 1—3 Uhl.: μέρος λόγου πτωτικόν, προτασσόμενον ἢ καὶ ὑποτασσόμενον τῆς κλίσεως τῶν ὀνομάτων...

Дионисия⁵, но несомненно, могло рассматриваться им как „производный” член⁶. Что касается наречий, то их насчитывается у Дионисия 26 видов, из которых, по сути дела, наречиями являются лишь около половины; остальные — это междометия, различные частицы и т.п.⁷

Причастие в качестве самостоятельной части речи впервые выделяется александрийскими грамматиками именно на основе морфологических показателей („слово причастное к особенностям и глаголов и имен. Акциденции причастия — те же самые, что у имени и глагола, кроме лиц и наклонений”)⁸.

В более древнем определении глагола, восстановленном Улигом, восходящем к самому Дионисию Фракийцу, морфологический момент сочетался с синтаксическим („беспадежное слово, означающее предикат”)⁹; в более позднем определении, встречающемся в тексте Дионисия, упор делается на морфологические моменты („беспадежное слово, принимающее времена, лица и числа и представляющее действие или страдание”)¹⁰.

Местоимение понимается Дионисием Фракийцем очень узко („слово, употребляемое вместо имени, показывающее определенные лица”)¹¹; оно охватывает только личные (несомненно, с включением сюда возвратных) и притяжательные местоимения, причем первые рассматриваются как „простые” (ἀπλά), вторые — как „производные” (σύνθετα)¹². Что касается вопросительных, неопределенных и соотносительных местоимений, то они рассматриваются как „виды” имени: вопросительное — ὄνομα ἐρωτηματικόν¹³, неопределенное — ὄνομα ἀόριστον¹⁴, соотносительное (такой — τοιοῦτος, столький — τοσοῦτος, столь большой — τηλικούτος) — ὄνομα ἀναφορικόν¹⁵.

⁵ A. Traglia, *La sistemazione grammaticale in Dionisio Trace* (Studi classici e orientali, V, Pisa, 1956), стр. 66.

⁶ Член — ὁ, ἡ, τό, указательное местоимение — ὅδε, ἕδε, τόδε. Ср. рассмотрение у Дионисия личных местоимений — как простых, притяжательных — как производных (§ 17, (21 et 22b) p. 68, 1—2 Uhl.).

⁷ Ср. с πανδέκτης поздних стоиков.

⁸ Dion. Thrac., 15 § (19 b), p. 60, 1—3 Uhl.: λέξεις μετέχουσα τῆς τῶν ῥημάτων καὶ τῆς τῶν ὀνομάτων ἰδιότητος. Παρέπεται δὲ αὐτῇ ταῦτα ἃ καὶ τῷ ὀνόματι καὶ τῷ ῥήματι δίχα προσώπων τε καὶ ἐγκλίσεων.

⁹ Dion. Thrac., p. XC Uhl.: λέξεις ἀπτωτος κατηγορήμα σημαίνουσα.

¹⁰ Dion. Thrac., § 13 (15 b), p. 46, 4—5 Uhl.: λέξεις ἀπτωτος, ἐπιδεκτικῇ χρ'ων τε καὶ προσώπων καὶ ἀριθμῶν, ἐνέργειαν ἢ πάθος παραστήσα. Определение глагола как „беспадежного” слова показывает, что стоическое понимание πτώσις (падеж) как акциденции только имени было усвоено Дионисием Фракийцем.

¹¹ Dion. Thrac., § 17 (21 et 22 b), p. 63, 1—2 Uhl.: λέξεις ἀντὶ ὀνόματος παραλαβανομένη, προσώπων ὀρισμένων δηλωτικῇ.

¹² Dion. Thrac., § 17 (21 et 22 b), p. 68, 1—2 Uhl.

¹³ Dion. Thrac., § 12 (14 b), p. 39, 1—2 Uhl.

¹⁴ Там же, p. 39, 3—4 Uhl.

¹⁵ Там же, p. 40, 1—3 Uhl.

Служебные, неизменяемые части речи определяются с точки зрения синтаксической, по их роли в предложении (или словосочетании). Предлог — это „слово, стоящее перед всеми частями речи и в составе слова и в составе предложения”¹⁶, а союз — „слово, связывающее мысль в определенном порядке и показывающее пробелы в выражении мысли”¹⁷; при этом в число союзов включается и ряд частиц, присущих, главным образом, гомеровскому языку („восполняющие союзы” — σύνδεσμοι παραπληρωματικοί).

В ряде грамматических вопросов ясно ощущается полемическая направленность „александрийских” установок по отношению к позициям, занимаемым стоиками. В классификации частей речи это наиболее ярко проявляется в рассмотрении имени собственного (ὄνομα χύριον)¹⁸ и имени нарицательного (ὄνομα προσηγορικόν) как двух „видов” (εἶδη) одной части речи — имени (ὄνομα), а не как двух самостоятельных частей речи¹⁹.

У Дионисия Фракийца в конце перечня частей речи подчеркивается, что „нарицание, как вид, подчинено имени”²⁰. Полемизируя по этому вопросу со стоиками, он определяет имя собственное как „вид”, обозначающий „особую сущность” (ἰδία οὐσία), а имя нарицательное — как „вид”, обозначающий „общую сущность” (κοινὴ οὐσία)²¹, повторяя почти дословно определения Диогена Вавилонского. Однако, знаменательно, что будучи вынужденным пользоваться философской категориальной аргументацией, Дионисий Фракиец отказывается от специфически стоического термина ποιότης (качественно определенная субстанция), предпочитая аристотелевский термин οὐσία (сущность)²², и рассматривает собственные и нарицательные имена как соответствия двум ступеням аристотелевской „сущности” — „первой сущности” (πρώτη οὐσία), имманентному конкретной вещи непосредственному

¹⁶ Dion. Thrac., § 18, (23 b), p. 70, 1–2 Uhl.: λέξις προτιθεμένη πάντων τῶν τοῦ λόγου μερῶν ἐν τε συνθέσει καὶ συντάξει. Принимаемый нами русский перевод терминов σύνθεσις и σύνταξις принадлежит А. И. Доватуре (Сборник „Античные теории языка и стиля”, Москва-Ленинград, 1936, стр. 134).

¹⁷ Dion. Thrac., § 20 (25 b), p. 86, 2–4 Uhl.: λέξις συνδέουσα διάνοιαν μετὰ τάξεως καὶ τὸ τῆς ἐρμηνείας κεχρῆνός δηλοῦσα.

¹⁸ Выражение „χύριον ὄνομα” первоначально возникает как стилистический термин и служит для обозначения прямого значения слова. Он встречается в этом значении, как правило, у реторов (впервые у Ликимния — Radermacher 2, *Hermias in Plat. Phaedr.*, p. 239, 12 [p. 192 Ast.], а также в ранней поэтике, в частности у Аристотеля (*Поэтика*, 21, 475b 1 и др.). См. подробнее о проникновении ранней стилистической и поэтической терминологии в область грамматики, Н. Koller, *Die Anfangsgründe der griechischen Grammatik* (Glotta, v. 37, 1958, № 1–2, стр. 5–40).

¹⁹ Причем это лишь два среди 24 „видов” имен, насчитывающихся у Дионисия Фракийца.

²⁰ Dion. Thrac., § 11, (12 et 13 b), p. 23, 3 Uhl.: ἡ γὰρ προσηγορία τῷ ὀνόματι ὑποβέβληται.

²¹ Dion. Thrac., § 12 (14 b), p. 33, 6–34, 2 Uhl.

²² А. Traglia, ук. соч., стр. 66; ср. Varro, *De lingua Latina*, Buch VIII erklärt von H. Dahlmann, Berlin, 1940 (Hermes, Einzelschriften, Hf. 7), стр. 125.

индивидуальному бытию, единичному и неделимому, и „второй сущности” (δευτέρᾳ οὐσίᾳ), выражающей не индивидуальное бытие, а роды и виды²³.

---

²³ Что это именно так, свидетельствует определение имени собственного и нарицательного у Теодора Газы (XV в.), представляющее собой почти дословное повторение определения Дионисия (причем совпадают и три из четырех приведенных примеров), однако с заменой дионисовых гибридных формулировок „особая сущность” и „общая сущность”, (возникших, видимо, под влиянием терминологии Диогена Вавилонского), четкими аристотелевскими — „первая сущность” и „вторая сущность” (Γραμματικῇ εἰσαγωγῇ, 1495, стр. 521). Cf. G. F. Schoemann, *Die Lehre von den Redetheilen nach den Allen*, Berlin. 1862, стр. 81—82.